

Анна Саакянц

Русск. мысль - Париж - 1996 -
19-25 сент. - с 40-44.

Встречи с Ириной Одоевцевой

К 95-летию со дня рождения

Я не только в стихах живу,
Я живу и впрямь, наяву,
И меня нетрудно увидеть,
Разглядеть, по статьям разобрать,
Чтобы после другим рассказать

Обо мне, какой я была
В те года, что я здесь жила
Вместе с вами
На этой земле.

1975

Ирина Одоевцева

Наших встреч с Ириной Владимировной Одоевцевой было всего пять или шесть — летом 1988 года в переделкинском Доме творчества писателей.

Что я знала до этого? Что в апреле 87-го Ирину Одоевцеву привезли на родину, которую она покинула шестьдесят пять лет назад. В Париже она жила в квартире покойного мужа, писателя Я.Горбова, совершенно одна. Она не могла ходить, так как перенесла несколько операций после перелома бедра. Ухаживать за ней было некому, в квартире ее жили случайные люди, в качестве платы оказывающие (если были дома) помощь в ответ на ее зов. Маленькая французская пенсия не давала возможности нанимать сиделку. И когда, по воле случая, Ирину Владимировну отыскали и предложили переехать в Россию, в ее Петербург, — она радостно согласилась, приняв это за чудо, однако понимая, что просто рискует умереть в дороге или вскоре после приезда, — но все равно посчитала то, что с нею произошло, счастьем. Так она говорила.

Знала я несколько ее стихотворений и балладу "Роберт Понтегю", напечатанные в антологии русской лирики (И.С.Ежов и Е.И.Шамурин. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней. "Новая Москва", 1925). Эта пухлая книга и доньше считается большой ценностью. Однако при всех достоинствах, составители были лишены права рассказать что-либо о поэтах, ставших эмигрантами; об Одоевцевой сообщалось лишь, что в 1922 г. вышла ее книга стихов "Двор чудес". Еще я была влюблена в книги Одоевцевой "На берегах Невы" и "На берегах Сены", которые вышли в 1967 и 1983 годах в Вашингтоне и Париже. Добыть их стоило больших денег и трудов, щедро вознагражденных радостью общения с их действующими лицами.

Я работала над книгой о жизни и творчестве Марины Цветаевой, и мне не хватало "воздуха", атмосферы, красок, голосов тех, кого знала, среди которых жила моя "героиня", — особенно в эмиграции. Приобретя громоздкую ксерокопию книги Нины Берберовой "Курсив мой", я блуждала по ее умным и острым страницам,

не находя, однако, тех "изюминок", живых примет, которые могли бы вдохнуть воздух в сугубо умственную атмосферу, куда поместила Берберова "поэтов русского рассеяния"; не ощущала конкретных людей; все было писано, я бы сказала, от головы, от одной лишь головы. Я чувствовала себя ученицей рядом со слишком серьезным учителем, которому не удалось затронуть мою душу...

И когда с веселых страниц книг Ирины Одоевцевой передо мной предстали поэты, населявшие берега Невы и берега Сены, я сразу увидела их абсолютно живыми. Ибо автор обладал волшебным даром внушения, заставляя читателя чувствовать, видеть и слышать то, что слышал, видел, чувствовал сам. Вот капризный — и неотразимый Осип Манделштам, с его словами: "Конечно, я ненавижу одиночество. И люблю его". Парадоксальная Надежда Тэффи, обожательница кошек, от неврастеничности привыкшая подсчитывать на улице количество окон на этажах домов и номера автомобилей. Или не разлучавшиеся ни на один день в своей жизни Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, с ее неизменным: "Нет, Дмитрий. Я не согласна", — и чопорным ритуалом чаепития на домашних приемах (и непременно кофе — для себя). А вот Георгий Адамович, фанатичный игрок, просящий в казино деньги, подаренные ему теткой на покупку дома... И, наконец, семидесятилетний Иван Бунин, последний русский классик, с его резкими переходами "из одной тональности в другую", из желчного и капризного ворчуна внезапно преображающийся в остроумного, обаятельного собеседника. И воочию видишь саму Одоевцеву, сидящую рядом с ним у печки в уютной комнате "Русского дома" на юге Франции. Не пропуская ни одного слова, она внимательно рассматривает Ивана Алексеевича, которые он не включил в "Темные аллеи" и, возможно, симпривизировал их тут же, при своей благодарной слушательнице, — и она, спустя много лет, воскрешает эти рассказы точным бунинским слогом, словно по волшебству.

"Я ничего не сочиняю и не выдумываю. Память у меня действительно прекрасная, — утверждает Одоевцева в книге «На берегах Невы». — Я помню слово в слово то, что слышала сорок — и даже больше — лет тому назад".

Тайна уникальной памяти Ирины Владимировны Одоевцевой, на мой взгляд, состоит в том, что вспоминает она — не при помощи описаний каких-нибудь житейских и прочих подробностей, а диалогами, а еще точнее — монологами своих "героев". Именно их речь встает в ее памяти — самое живое, что помнишь (если помнишь!) о человеке.

В этом смысле ее мемуары напоминают прозу Марины Цветаевой. Как только она "разрешала" произнести первую реплику какому-нибудь действующему лицу, эти первые слова сразу же тянули за собой следующие; заново воскрешалась неповторимая речь неповторимого человека, и факты, и ситуации; мельчайшие подробности всплывали как бы сами собой, нанизывались одна на другую, — и живые Гумилев, Манделштам, Белый, Бунин и многие, многие другие восставали из небытия. "О, любите их, любите, удержите их на земле!" — просит Одоевцева.

И удержала: собственной любовью, которую передала нам. "Любовь движет солнце и другие звезды" — эту строку Данте она сделала эпиграфом-девизом книги "На берегах Сены". Георгий Адамович говорил, что она даже слишком доброжелательна, она словно делает людей такими, какими их задумал Бог, смывая с них грехи и пороки. А она отвечала, что иначе не может.

Ее доброту как бы дополняла и оттеняла величайшая душевная тонкость, придавая ее книгам о современниках особое обаяние. Не удержусь и приведу лишь

И.В.Одоевцева (внизу справа) в Доме творчества Переделкино. 1988. Рядом — автор воспоминаний, позади — Тамара Воронина. Фото Л.Турчинского.

давно знаю эту удивительную женщину. А через несколько лет мы встретились.

Итак, Дом творчества писателей в подмосковном Переделкино. Июль 1988-го. Ирина Владимировна здесь уже не первый месяц. Как прожила она в городе на Неве год с небольшим после возвращения на родину (в апреле 1987-го), оказалась ли у нее родственники, о которых шла речь в печати, — мне неведомо. Знаю лишь, что сначала ее поселили в Европейской гостинице, приняли в Союз писателей и дали квартиру на Невском, 13. Там пока шел ремонт, и Ирину Владимировну привезли в Переделкино.

Она жила на первом этаже главного корпуса, в просторной комнате с балконом. Днем при ней всегда находилась жившая в номере напротив Тамара Воронина, актриса-чтица из Екатеринбурга, исполнявшая роль секретаря.

По утрам Тамара совершала необходимую пробежку по аллее вдоль дачи Пастернака, а затем отправлялась в столовую за завтраком и приносила его Ирине Владимировне, которая рано вставать не спешила.

"Вставать" — означало переместиться из постели в инвалидное кресло-каталку, в котором, по сути, Ирина Владимировна и проводила почти целый день. В результате операций одна нога у нее была несколько короче другой, и Ирина Владимировна передвигалась с трудом; к тому же, по словам заботливой и преданной Тамары, она не всегда поддавалась ее уговорам "потренироваться". Та-

два маленьких примера из главы "Иван Алексеевич Бунин" ("На берегах Сены"):

"Да, он был очень нервен. Но кто из русских больших писателей не был нервным? Все они были людьми с ободранной кожей, с обнаженными нервами и вибрирующей совестью". И еще: "...чем замечательнее, чем талантливее человек, тем легче он поддается горю, унижающему, уничижающему его".

Сквозь "легкое дыхание" книг Одоевцевой выростал жизнеутверждающий и светлый характер их автора, и мне казалось, что я

мара готовила Ирину Владимировну к "приемам": помогала одеться, причесаться.

Как выглядела Ирина Владимировна Одоевцева на склоне лет?

Ее ранние фотографии достаточно известны. А вот ее молодой "портрет" по воспоминаниям Ольги Грудцовой, дочери известного фотографа М.Наппельбаума: "Я смотрела на Одоевцеву и тоскливо завидовала ей. Нет, она не была красива, у нее рыжеватые волосы, сильно вздернутый вверх нос; зато — длинные ноги. И как она держится свободно, уверенно, на голове ее задорно сидит огромный клетчатый бант, она пикантно грацирует..."

Привожу эти слова, дабы подчеркнуть, что в старости Одоевцева сохранила, а бы сказала, свой психологический, "внутренний" образ. Потому что она, судя по фотографиям разных лет, не переставала следить за своей внешностью и не теряла элегантности, постепенно преображаясь в женщину все более и более "почтенного" возраста, к которой, однако, слово "старуха" было совершенно неприменимо.

Светлый, чуть рыжеватый цвет волос, который она поддерживала, тщательно сделанный маникюр и легкий грим, и одежда — все вместе составляло образ верной себе Ирины Одоевцевой. Она носила белые блузки с брошкой, либо бантом; помню жакет с оборочками василькового цвета, шедшего к ее голубым глазам, цветастую юбку — Ирина Владимировна одевалась по-западному, по-парижски.

Приезжали к ней часто, почти каждый день; радио, телевизоры, записывали. Ирина Владимировна общалась всегда с удовольствием и, когда чувствовала себя хорошо, была весьма словоохотлива.

В ее комнате всегда были цветы; многие знали, что Ирина Владимировна любила (не могу точно выразить) — как бы находилась в соприкосновении с ними, держать в руках, класть рядом. Об этом пишет не только она сама; меня же особенно взволновали воспоминания Владимира Брониславовича Сосинского, встретившегося с нею в Париже (они не виделись много лет):

"За одним из столиков на террасе кафе «Дом» в начале мая 1976 года сидели, глядя на знаменитую вот уже в течение века «Ротонду» за «кафе-фин» Ирина Одоевцева, вдова Г.Иванова, Юрий Терапиано и пишущий эти строки — все трое уже тронутые временем — моложе всех выглядит Ирина Одоевцева, — и около чашечки с черным кофе лежала белая сирень".

По четвергам, к пяти часам, после отдыха, Тамара Воронина вывозила в кресле Ирину Владимировну в широкий коридор, и начинался литературный вечер. Ирина Владимировна читала стихи, отвечала на вопросы. А когда она уставала, Тамара, неизменно стоявшая за ее креслом, помогавшая расслышать вопросы, начинала читать стихи и прозу. Много читала Гумилева. Публики, как "дом-творческой", так и пришло, набиралось обычно двадцать-тридцать человек.

Принимали Одоевцеву и почтительно, и восторженно. После парижского неподвижного заточения последних лет это была жизнь, которую так любила Ирина Владимировна с юности: многолюдье, известность, почет. И неволью напрашивалась аналогия: под конец жизни Анне Ахматовой пришло признание в Европе, Ирине Одоевцевой — в России. Между этими событиями — почти четверть века...

Москва

Окончание следует. Печатается в сокращении.